

МНОГООБРАЗИЕ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРЕДМЕТА ПСИХОЛОГИИ

И.Е. Гарбер

НОРМАТИВНЫЙ И ДЕСКРИПТИВНЫЙ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРЕДМЕТА ПСИХОЛОГИИ

Рассмотрены нормативный и дескриптивный подходы к определению предмета психологии. Попытки дать нормативное определение предмета психологии не привели к заметному прогрессу, но позволили зафиксировать позиции различных авторов и сравнить их между собой. Дескриптивный подход объединяет теоретическую и прикладную психологии и может быть реализован с помощью лексического анализа и клиометрического подхода П. Мила, приводит к идее об изменчивости предмета психологии и дает ориентиры для организаторов науки и профессионального психологического образования.

Ключевые слова: предмет психологии, нормативное определение, дескриптивное определение, контекстные факторы, лексический подход, тезаурус, клиометрический подход, П. Мил.

Что такое человек, можно узнать не путем размышлений над самим собой, и даже не посредством психологических экспериментов, а только лишь из истории.

В. Дильтей, 1894

Попытки дать определение предмета психологии за счет изошренного формулирования вербальных маркеров реальности С.Д. Смирнов сравнивает с попытками изобрести вечный двигатель: «Они столь же упорны, сколь и бесплодны не только в смысле отсутствия конкретного решения задачи, но и в смысле отсутствия кумулятивного эффекта, т.е. продвижения на пути к такому решению» [24, с. 3]. В.Н. Дружинин формулирует наиболее распространенное и ненаучное, по его мнению, тавтологичное определение: «психология — наука о психике» и говорит, что это определение, которого стыдятся [12, с. 7].

Причинами перманентного кризиса оснований психологии, по мнению С.Д. Смирнова, являются *иллюзии обывденного сознания* [24, с. 3–4]. Важнейшую из них сформулировал П.В. Симонов: «Очевидность и наглядность представлений о своем собственном внутреннем мире затрудняют постижение законов деятельности мозга в несопоставимо большей степени, чем наглядность движения Солнца вокруг Земли столетиями искажала картину Солнечной системы» [23]. Со времен Н. Коперника прошло много лет, но каждый день мы видим, что утром солнце восходит на востоке, а вечером заходит на западе. Нужны ли другие доказательства геоцентрической модели Клавдия Птолемея?

Примеры из истории науки, в том числе психологии, показывают, что прогресс, понимаемый как *качественно-количественное изменение описания картины*

мира, принятое большинством специалистов, возможен и при неверных исходных посылах, но не в результате «бега на месте».

Между тем методология психологии напоминает сизифов труд. Интеллектуальных усилий при решении «вечных» вопросов затрачено немало, а продвижение вперед по «особому» пути отсутствует в вопросах, затрагивающих основы дисциплины. Постулирование существования у каждого взрослого человека *субъективной реальности* (переживаний, чувств, мыслей, снов), отличной от *объективной реальности* [12, с. 7], оказалось в теоретическом плане малоэвристичным. Так, в начале XXI в. дискутируют о том, «где находится внутренний мир» и «где граница между внешним и внутренним» [6]. Вопросы разумные и неспроста, но по форме и содержанию напоминают задававшиеся студировавшими в средние века космологию Аристотеля: «А что находится вне мира?», «А что будет, если проткнуть палкой самую крайнюю оболочку небесного свода?». Дискуссанты в поисках ответа апеллируют к физикам и не замечают модель Дж. фон Неймана, уничтожившего границу между «внутренним миром» компьютера (программным обеспечением) и «внешним миром», представленным входными данными, и обеспечившего беспрецедентный успех информатики.

Успехи естественных наук связаны с рассмотрением *заведомо не существующих идеальных объектов* (материальных точек, не имеющих размеров, но обладающих массой; гладких поверхностей, по которым можно двигаться без трения и т.д.) и *постулатов, связывающих их между собой и противоречащих здравому смыслу, жизненному опыту и интуиции* (тяжелое тело в отсутствие сопротивления среды падает с такой же скоростью, как и легкое; два никак не связанных между собой тела

притягиваются друг к другу и т.д.). Популярность идей З. Фрейда, как и первых естествоиспытателей, связана с введением не существующих идеальных объектов («Я», «Оно», «Сверх-Я») и опорой на постулаты, противоречащие здравому смыслу (эдипов комплекс, детская сексуальность).

П. Мил утверждает, что философия науки (западная) выглядит регрессивной исследовательской программой в смысле И. Лакатоса [33, с. 342]. В.А. Мазилев отмечает, что Кант был одним из первых методологов психологии, а методология (в этом проявились особенности самого И. Канта как личности) приняла форму критики [16, с. 148]. В.М. Аллахвердов считает, что опровержение утверждений Аристотеля составляет суть естественной науки Нового времени [2, с. 38] и нелицеприятно отзывается о Гегеле [2, с. 36–37].

Отечественных и зарубежных исследователей при очевидных мировоззренческих и культурно-исторических различиях объединяет неудовлетворенность результатами философской рефлексии об основаниях психологии. Таким образом, попытки дать *нормативное* определение предмета психологии (что должна изучать психология?) до сих пор не привели к общепризнанным положениям. В этой ситуации более продуктивным представляется *дескриптивный* подход к предмету психологии (что на самом деле изучают психологи?).

Согласно Дж. Вико, история является ключом к любой гуманитарной науке и выражает волю человека. Впечатляющие достижения методологов науки XX в. М. Полани и Т. Куна, а также, по терминологии М.Г. Ярошевского, представителей их оппонентного круга К. Поппера, И. Лакатоса, П. Фейерабенда, Л. Лаудана и др. подтверждают

применимость этого тезиса и к естественным наукам.

Однако следующее сравнение стандартных формулировок из современных учебников:

- «предмет общей психологии — исследование возникновения, развития, строения и функционирования психики нормального взрослого человека» [20, с. 71] и

- «демография — наука о закономерностях воспроизводства населения в общественно-исторической обусловленности этого процесса» [17, с. 12] показывает, что психологи менее, чем демографы и другие обществоведы, склонны учитывать в своих исследованиях исторические, социальные, экономические и культурные факторы, влияющие на изучаемые ими феномены.

В чем причина подчеркнутой антиисторичности психологии? На протяжении длительного времени ее пытались идентифицировать как естественно-научную экспериментальную дисциплину: «психическую химию» Дж.С. Милля, «психофизику» В. Вундта, «бихевиоризм» Дж. Уотсона и т.д., изучающую *исторически инвариантные феномены природы, а не исторически детерминированные социальные феномены* [30, с. 9].

Предложение В. Дильтея взять за исходную точку исследования «развитого культурного человека» [11, с. 36] своей эпохи, вместо упоминавшегося выше «нормального взрослого человека», имело меньше сторонников в научном сообществе. Отметим, что следствием его принятия явилось бы, например, изменение состава участников экспериментов: вместо студентов-психологов второго курса ими стали бы люди, освоившие более широкий репертуар социальных ролей: «родитель», «служащий», «потребитель» и т.д. *Психологами игнорирует-*

ся, что человек, живущий в век компьютерных и сетевых технологий, Интернета, отличается от жившего в эпоху книгопечатания в не меньшей степени, чем последний, от жившего во времена рукописных текстов и устной передачи информации.

В основе преобладающего на Западе подхода лежит идея об отставании общественных наук от естественных и стремление его преодолеть, обусловленное латентной, а иногда и явной завистью к общепризнанным достижениям физиков, химиков и биологов. Нобелевский лауреат Ф.А. Хайек в связи с этим в годы Второй мировой войны высказал парадоксальную и глубокую мысль, на первый взгляд обесценивающую предмет психологии: «Науку занимает не то, что думают люди о мире, и не то, как они в связи с этим себя ведут, а то, что им следовало бы думать» [26, с. 39]. Ему вторит М. Полани, извлекая из коперниканской революции следующий вывод: из двух форм знания более объективной следует считать ту, которая в большей мере полагается на теорию, нежели на более непосредственное чувственное восприятие [21, с. 21].

Г.Ю. Айзенк более прямолинеен: «Физик находится в гораздо более выгодном положении по сравнению с психологом... физика считается настолько серьезной наукой, что люди склонны принимать утверждения физиков, не требуя никаких доказательств» [1, с. 19]; «на протяжении тысячелетий человечество пыталось управлять поведением людей, не прибегая к помощи научного подхода и лабораторных исследований, и потерпело явную неудачу. Возможно, и научно-лабораторный подход тоже не справится с этой задачей» [1, с. 674].

Социолог Ч.Р. Миллс критикует сторонников технократических лозунгов: «Нам говорят, что физика якобы достигла

такого уровня, что проблемы строгости и точности эксперимента теперь можно выводить из строгой математической теории. Не физика достигла такого уровня, а эпистемологи установили возможность такого взаимодействия в рамках модели познания, которую сами же и сконструировали» [18, с. 73]. И так интерпретирует их латентные цели: «Они предполагают делать с обществом то, что, по их мнению, физики уже делают с природой..., что стоит только применить “методы науки”, с помощью которых человек овладел атомом, для “контроля над социальным поведением”, как проблемы человечества будут скоро решены, и наступит мир и изобилие для всех» [18, с. 133]. Отметим, что желание манипулировать человеческим поведением, как правило, является универсальным. Не случайно упоминавшийся выше Дж. Уотсон, подобно 71% первых бихевиористов, первоначально намеревался посвятить себя церкви, превращению людей из грешников в праведников [15, с. 392].

Так или иначе, но сегодня знание истории психологии, исторических и архивных методов работы с текстом играет в работе психолога столь же малосущественную роль, как знание истории физики, химии, биологии для специалиста-естественника. Более того, рассмотренная выше формулировка предмета психологии косвенно предполагает независимость формы и содержания психологии от особенностей окружающей среды (природной и социальной), допуская лишь ее влияние на исследователя при выборе проблемы или на возможные приложения полученных результатов.

Присваивая научному знанию особый эпистемологический статус, ученые не всегда осознанно разделяют его мифо-

логизированный образ или стереотипное представление о нем, суммированное В. Веймером [28, с. 21–22]:

- научное знание основано на твердых эмпирических фактах;
- теории выводятся из фактов (и, следовательно, вторичны по отношению к ним);
- наука развивается посредством постепенного накопления фактов;
- поскольку факты формируют основания нашего знания, они не зависят от теорий и имеют самостоятельное значение;
- теории (или гипотезы) логически выводятся из фактов посредством рациональной индукции;
- теории (или гипотезы) принимаются или отвергаются исключительно на основе их способности выдержать проверку экспериментом.

Описанная модель в равной степени относится к естественным и социальным наукам и представляет окружающую среду как объект исследования, а науку как башню из слоновой кости, далекую от мирской суеты. По этому поводу философ и методолог И. Лакатос любил говорить, что большинство ученых имеют такое же представление о том, что такое наука, как рыбы – о гидродинамике [14, с. 190]. Логично завершить эту фантастическую картину представлением об ученом-психологе как инопланетянине, пришельце, беспристрастно и ценностно-нейтрально изучающем новый для него мир.

Перейдем к рассмотрению более реалистичных моделей. Сегодня психология, как и любая другая наука, представляет собой социальный институт, включенный в структуру общества и имеющий специфические потребности и функции, играющий в обществе определенную роль и отличающийся некоторыми

символическими чертами (факультеты, лаборатории, журналы, общества и ассоциации). Психолог, не важно – академический или прикладной, является человеком, социализированным в некоторой культуре и жаждущим успеха (карьеры, славы, денег, удачи и любви) в своем социальном окружении. Другими словами, новейшая история науки является по своей сути экстерналистской, т.е. рассматривает науку на фоне широкого общественного контекста, частью которого она является и в пределах которого функционирует [15, с. 39].

По категорическому суждению Ч.Р. Миллса, «обществовед не может обойтись без привлечения истории и без исторического осмысления психологических аспектов явлений» [18, с. 165], «каждая общественная наука, или, лучше сказать, каждое хорошо продуманное социальное исследование, требует исторической концептуализации и максимально полного использования исторических материалов» [18, с. 167]. Наконец, человек «является социально-историческим актором, которого, если и должно постигать, то только в тесном и непосредственном взаимодействии с социальными и историческими структурами» [18, с. 181].

Контекстный подход, разделяемый многими историками психологии (Э. Борингом, Д. и С. Шульцами, Т. Лихи и др.), сравнительно недавно отвергался в отечественной литературе. Признавая, что социальность научного творчества и его историческая природа сопряжены [29, с. 4], что научное достижение коррелирует с социально-психологическими обстоятельствами [29, с. 23], М. Г. Ярошевский, тем не менее, утверждал, что концепция «контекста» не имеет серьезного объяснительного значения из-за неопределенности ее

основных понятий: «Zeitgeist» (дух времени), «интеллектуальный климат», «социокультурная атмосфера», «психосоциальная матрица» [29, с. 23]. Более того, в соответствии с мифами, упомянутыми выше, и ленинской теорией отражения утверждалось, что «смена одного контекста другим не влечет за собой исчезновения научного результата» [29], что представляется сегодня спорным. Возможно, категорический отказ от экспликации «размытых» терминов был обусловлен политико-идеологическими соображениями.

Другие оппоненты теории факторов видели в ней абсолютизацию принципа причинности и считали, что она всегда приводит к заколдованному кругу взаимодействия (Г.В. Плеханов): явление, используемое в качестве фактора, прежде чем стать причиной, было следствием. Последствия данной методологической установки легко отследить по отечественной учебной литературе. Например, Ю.Б. Гиппенрейтер, рассказывая драматическую историю об изменении предмета психологии, переходе от психологии сознания к бихевиоризму, упоминает единственный контекстный фактор (от психологии сознания «отвернулись все, кто не считал ее своей профессией») и подчеркивает роль внутренних факторов самоорганизации и саморазвития психологии [10, с. 39]. Об этом же говорит отсутствие статьи, посвященной контекстным факторам, во многих отечественных специализированных словарях и энциклопедиях.

Однако представляется вероятным, что резкий спад интереса к вундтовской психологии обусловлен в первую очередь именно контекстными факторами:

- В. Вундт был академическим психологом и сопротивлялся превращению

психологии в прикладную науку, поэтому при основании в Германии в 1904 г. Общества экспериментальной психологии он получил поздравительную телеграмму, в которой был назван «Нестором экспериментальной психологии», но не был приглашен на съезд. В «Илиаде» Нестор — мудрый, но напыщенный старый болтун, чьими советами, как правило, пренебрегают [15, с. 107].

- В. Вундт занял националистическую позицию в ходе Первой мировой войны (обвинял Англию в ее развязывании и оправдывал германское вторжение в Бельгию необходимостью самообороны), что настроило против него и его психологии иностранных ученых, а немецкая экономика развалилась вследствие поражения. Лейпцигский университет не смог приобрести последние книги В. Вундта для своей библиотеки [27, с. 102].

- Интеллектуальной и социальной атмосферой в Новом свете, прагматическими принципами. Дж. Стэнли Холл в 1912 г. писал, что «хотя в настоящее время мысли В. Вундта успешно культивируют в академических садах, они никогда не акклиматизируются здесь, поскольку чужды американскому духу и характеру» [15, с. 127].

В противном случае не вызывает сомнений, что В. Вундт, обладавший феноменальной работоспособностью, достойно ответил бы критикам, преодолел кризис психологии сознания и сохранил бы свою научную школу. То же самое можно сказать о советской психологии, методология которой была основана Л.С. Выготским, С.Л. Рубинштейном, А.Н. Леонтьевым и др. на диалектико-материалистическом мировоззрении. На III съезде российских психологов выяснилось, что вместе с марксизмом-ленинизмом неожиданно исчез и общий

язык, на котором психологи разговаривали друг с другом.

Ч.Р. Миллс резюмирует: «Если бы расцвет и закат доктрин и методов были целиком обусловлены чисто интеллектуальным соревнованием между ними (более адекватные и плодотворные выигрывают, менее адекватные и неплодотворные сходят с дистанции), “Высокая теория” и абстрактный эмпиризм не получили бы своего нынешнего развития» [18, с. 92].

Для классификации и оценки влияния контекстных факторов можно воспользоваться принятым среди историков науки делением на *внутреннюю историю*, изучающую профессиональную деятельность членов различных научных сообществ, и *внешнюю историю*, рассматривающую взаимоотношения между научными сообществами и экономической, политической, духовной и социальной сферами общества. В соответствии с ним можно рассмотреть экономические, политические, духовные и социальные контекстные факторы.

Другую возможность предоставляет «трихотомия» К. Поппера:

- манипулятивный мир, состоящий из рукотворных и нерукотворных вещей, материального мира, включая животных (мир вещей);

- интерактивный мир, включающий людей, социальные общности и социальные отношения (мир людей);

- рефлексивный мир, представленный теориями, образами, духовными ценностями, символами (*мир идей*).

В соответствии с ней можно говорить о манипулятивных, интерактивных и рефлексивных контекстных факторах соответственно.

При использовании исторического подхода к предмету психологии естественно начать анализ со «дня рождения»

науки. У упоминавшихся выше демографов ситуация простая. Большинство специалистов отцом своей науки считают Дж. Граунта — английского купца, ученого-самоучку, опубликовавшего в январе 1662 г. 90-страничную классическую работу «Естественные и политические наблюдения, сделанные над бюллетенями смертности» [17, с. 7]. Это общепризнанный факт внутренней истории демографии.

У психологов мнения и критерии определения «дня рождения» сильно варьируют. Рассмотрим четыре различные точки зрения. Большинство, в частности в России, связывают рождение научной психологии с созданием В. Вундтом в 1879 г. в Лейпциге Психологического института. По образному выражению К. Данцигера, он превратил психологию из судорожных усилий теоретиков-одиночек в подлинное научное сообщество [15, с. 95]. С некоторыми оговорками можно согласиться с Т. Лихи, что инновации В. Вундта носили скорее общественный, а не интеллектуальный характер [15, с. 95].

Менее распространенной является точка зрения, согласно которой в 1845 г. английский философ Дж.С. Милль одним из первых предложил рассматривать психологию как науку, не зависящую от философии [22, с. 15]. Ее сторонники М.-А. Роббер и Ф. Тильман усматривают различие между философией и психологией не в предмете изучения, а в используемых методах [22, с. 16]. Действительно, чувства, восприятия, мотивы, интеллект, сновидения могут быть предметом как философского, так и психологического изучения. Однако философия при их анализе опирается на умозрительные построения, т.е. идеи, истинность которых обоснована только согласованностью

между собой, в то время как психология ищет опору в фактах. Во многом вопреки закону ассоциации идей Дж.С. Милль утверждал, что психология с помощью наблюдения и эксперимента должна стать опытной наукой, ментальной химией.

Т. Лихи считает, что историю современной психологии разумно отсчитывать с 1892 г., поскольку именно тогда была основана Американская психологическая ассоциация [15, с. 219], а психология стала профессией.

Наконец, отечественные авторы коллективной монографии, посвященной психологии науки, считают, что дату рождения новой дисциплины определяет не первое исследование в соответствующей области и даже не появление обозначающего ее термина, а издание первого учебника [3, с. 5]. Их позиция близка взглядам Т. Куна, считавшего учебники педагогическим средством для увековечивания нормальной науки, переписывающимся целиком или частично всякий раз, когда язык, структура проблем или стандарты изменяются после научной революции [13, с. 180–181].

В литературе можно обнаружить и другие точки зрения, но даже по рассмотренным видно, что *аргументам психологов, выделяющих в рождении своей науки внутренние события* (проведение первого исследования; издание первого учебника; определение объекта, предмета и метода науки), *противостоят аргументы сторонников важности внешних факторов, общественного признания* (возникновение научного сообщества, появление новой профессии).

В специальных словарях и энциклопедиях можно найти противоречивую информацию о том, когда термин «психология» был впервые предложен и кто это сделал. До недавнего времени

имелось три основных претендента на нововведение. Все они немецкого происхождения, жили в XVI в.: малоизвестные — Р. Гоккель (Гоклениус) и его ученик О. Касманн, а также оставивший в науке более заметный след — Ф. Меланхтон, сподвижник М. Лютера. В трактате, опубликованном в Марбурге в 1590 г. под названием «Yucologia hoc est de hominis perfectione, anima, ortu», Р. Гоккель употребил термин «психология» в греческой форме и записал его греческими буквами. Спустя четыре года О. Касманн использовал слово «психология» в названии книги «Psychologia anthropologica», изданной в Ханау (1594 г.). Некоторые авторы утверждают, что термин был впервые использован на лекциях Ф. Меланхтона примерно в 1550 г. в латинской форме «psychologia», однако в его многочисленных опубликованных трудах он отсутствует. В 1964 г. К. Крстич обнаружил, что, по крайней мере, за 66 лет до Р. Гоккеля и за несколько лет до опубликования лекций Ф. Меланхтона о душе термин «психология» был использован М. Маруличем из Сплита в не найденном до сих пор латинском трактате «Psychologia de ratione animae humanae».

Представляется правдоподобным, что изучение психологии в древности было доступно лишь представителям элиты и тем, кто ее обслуживал. Известно, что Платон родился в семье, имевшей высокое аристократическое происхождение, а Аристотель был сыном придворного врача и воспитателем Александра Македонского.

До появления книгопечатания с мнением оппонента можно было бороться, скупая его труды и уничтожая их. Согласно легенде, именно так Платон расправился с Демокритом [29, с. 13]. В результате от учения Демокрита сохранились лишь фрагменты, да и то в

изложении, в то время как учение Платона представлено весьма полно. Действие индивидуального экономического ресурса прослеживается вплоть до В. Вундта, содержавшего Психологический институт вплоть до 1881 г. на личные средства [15, с. 96].

Типичный современный психолог по своим жизненным условиям, статусу и власти относится на Западе к среднему классу. Он должен считаться с тем, что:

— экономика истины, т.е. затраты на проведение исследования, вступает в конфликт с политикой истины, использованием научного исследования для прояснения сути социальных проблем [18, с. 80];

— раньше тему исследования выбирал ученый, теперь — его заказчик [18, с. 115];

— рост затрат на проведение исследований и необходимость привлекать штат сотрудников порождает корпоративный контроль над разделением труда [18, с. 122] и т.д.

Бюрократизация университетской науки регулируется фондами, финансирующими исследования и имеющими собственные потребности (например, небольшим количеством крупных проектов легче администрировать, чем множеством мелких). Картина дополняется личными интересами и амбициями профессоров, озабоченных планированием академической карьеры.

Нормой современной науки считается информированность специалистов в широком спектре исследований (от классических до последних). Однако вопреки распространенному представлению, наличие доступа к Интернету не равнозначно возможности бесплатного доступа к полным и систематическим источникам научной информации [8, с. 10], а дороговизна

информации в области психологии вызвана прежде всего тем, что производить ее недешево [8, с.11].

Общеизвестно влияние политики (идеологии) в тоталитарных государствах на культуру и социальные науки:

– многие психологи, оставшиеся в Германии, очень скоро перешли на сторону нацистов, в некоторых случаях снабжая «научными» обоснованиями их расовую политику, в том числе и с использованием концепции гештальта [15, с. 126];

– место работы советских психологов удивительным образом совпадало с их теоретическими воззрениями, по крайней мере, декларируемыми [28, с. 247].

В демократических государствах вместе с более мягким административным принуждением с успехом применяются финансовые механизмы, обеспечившие, например, ранее длительное господство бихевиоризма в США, а ныне – когнитивной психологии и нейрорпсихологии.

Преодоление внеисторичности психологии, включение в психологические исследования факторов времени и культуры возможно, на наш взгляд, на основе лексического, текстуального подхода. Мы исходим из гипотезы, что *терминология является одним из инвариантов психологических исследований*. В подтверждение ее обоснованности процитируем П.П. Блонского: «Иногда от нас требуют “во имя последовательности”, чтобы мы совершенно не пользовались обычной психологической терминологией. Меньше всего мы склонны заниматься терминологическими революциями» [5, с. 226]. Сегодня трудно сказать, кто в 1925 г. требовал, чтобы ученые отказались от буржуазной терминологии, какие использовались аргументы, но терминологической революции в СССР не произошло.

История естественных наук показывает, что успех или неудача исследования определяется наличием или отсутствием у объекта исследования инвариантов, характеризующих его. В основе любой модели динамической системы лежат законы сохранения, связывающие между собой изменение ее фазовых координат и внешние силы. В знаменитой статье Е. Вигнера [7] утверждается, что без принципов инвариантности физика не могла бы существовать. При переходе к биологическим системам роль законов сохранения играет менее жесткий механизм гомеостаза, основанный на использовании обратных связей и позволяющий качественно и количественно описывать биоценоз в живой природе. С неизмеримо более сложной ситуацией сталкивается психолог З. Фрейд, например, положил в основу своей динамической теории личности физические законы сохранения энергии, но добился блестящих результатов не благодаря им, а за счет наблюдения и внимания к мельчайшим деталям человеческого поведения. Можно предположить, что законы сохранения в социальных системах представлены еще более расплывчато и неопределенно, чем в биологических. На их роль претендуют, например, принцип «удвоения без удвоения», в соответствии с которым психика понимается как *способ и аппарат построения внутренней картины мира как его модели, относительно независимой от внешнего мира* [9, с. 9] и механизм *социостаза*, равновесия социальных атомов, эмоциональной экономики, предложенный Я.Л. Морено [19, с. 126].

Из наиболее известных и масштабных попыток применить лексический подход для решения психологических проблем отметим работу Р.Б. Кеттела, начатую в 40-х гг. XX в. Он собрал 18000 слов, так или иначе характеризующих

личность, сократил список за счет синонимов, применил процедуры факторного анализа к рейтингам знающих друг друга членов неоднородной группы взрослых людей и данным стандартизированных самоотчетов и получил «первичные черты личности». При этом Р.Б. Кеттел относился к примененному инструментарию не как к способу сократить исходный словарь для потребностей научной психологии, а как к методу выявления базовых, причинных черт человека [4, с. 396].

Большинство современных психологов предпочли иной путь. Для удобства научных коммуникаций в информационном обществе в качестве базового выбран английский язык и составлен *тезаурус* (иерархически организованный словарь) психологических терминов. Его первое издание было осуществлено в 1974 г. и включало 800 терминов. Десятое издание тезауруса, выпущенное в 2005 г., включает более 7800 индексных терминов, рекомендованных экспертами Американской психологической ассоциации [38]. *Неконтролируемая эволюция психологического словаря завершилась в 1974 г. Спустя 32 года можно говорить о менеджменте психологической терминологии как о наблюдаемом феномене*. В отличие от Р.Б. Кеттела, лексический подход, основанный на использовании тезауруса, логично рассматривать как инструмент метапсихологического, а не психологического исследования.

Работы, основанные на использовании индексов цитирования ключевых слов и контент-анализа [32, 36, 37], показали, что *велика опасность «атомизации» концептуального анализа, утраты понимания того, что отдельные термины всегда включены в сеть семантических взаимосвязей, от которой они получают свой смысл и значение* [30, с. 13]. В таких

сетях, согласно К. Данцигеру, *изменения смысла одного термина не являются не зависимыми от изменений смыслов других терминов, и значение каждого термина зависит от места, которое он занимает в соответствующей дискурсивной формации* [30, с. 13].

Наиболее наглядны результаты конкретно-исторического анализа при сравнении текстов, принадлежащих разным языкам и/или разным эпохам. Так, например, оказалось, что *психе* (или душа) Аристотеля не соответствует *anima* его переводчиков на латинский язык и еще меньше соответствует *soul* средневековья или современным *mind* и душа, а перевод *нус* как «ум» (*mind*) определенно вводит в заблуждение [25, с. 33]. Даже при общепринятом переводе личных местоимений *Ich* (Я), *Es* (Оно) и *Uber-Ich* (Сверх-Я) с немецкого, которым пользовался З. Фрейд, на латинский а — *Id* (Ид), *Ego* (Эго) и *Super-Ego* (Супер-Эго) утрачивается внутренний, личный смысл слов, и им придается оттенок холодных технических терминов, не пробуждающих плодотворные ассоциации [27, с. 23].

Использование исторических и текстуральных методов затрудняют большой объем работы, труднодоступность многих текстов и отсутствие четко разработанной и общепринятой методологии их исследования. Однако такая работа необходима для понимания науковедами и методологами истории и логики развития психологии, прогнозирования перспективных направлений и избавления от мифов и иллюзий. Наиболее перспективным в этом направлении представляется *клиометрический* подход, развиваемый П. Милом и Д. Фаустом [31, 33–35].

Подведем итоги проделанного анализа и сделаем заключительные замечания.

1. Попытки дать нормативное определение предмета психологии (что должна изучать психология?) не привели в настоящее время к заметному прогрессу, понимаемому как качественно-количественное изменение описания психологической картины мира, принятое научным сообществом.

2. Большинство психологов объединяет взгляд на психологию как внеисторическую науку, изучающую исторически инвариантные феномены человеческой природы, а не исторически детерминированные социальные феномены. Игнорируется, что человек, живущий в век компьютерных и сетевых технологий, Интернета отличается от жившего в эпоху книгопечатания в не меньшей степени, чем последний, от жившего во времена рукописных текстов и устной передачи информации.

3. Эволюция идей, представленных в рамках естественно-научного подхода, схематически может быть представлена следующим образом:

а) З. Фрейд позиционировал психоанализ в одном ряду с моделью Н. Коперника, удалившего Землю из центра мироздания на окраину, и учением Ч. Дарвина, лишившего человека исключительного положения в мире животных. Его оппонент Ж. Лакан предложил переместить З. Фрейда из списка естествоиспытателей в партию врагов среднего класса вместе с К. Марксом и Ф. Ницше [15, с. 169];

б) К. Левин призывал к переходу от аристотелевской к галилеевской модели в психологии;

в) Я.Л. Морено под влиянием идей И. Ньютона говорил о социальной вселивной и формулировал закон социальной гравитации и социодинамический закон [19];

г) В.А. Лефевр обратился к квантово-механическим аналогиям, построил

формальную модель человека (космического субъекта) и высказался в защиту своего права получать знания о реальном мире, взяв за основу некоторые утверждения, истинность которых нельзя установить.

4. Успех представителей разных наук связан с рассмотрением заведомо не существующих идеальных объектов и постулатов, связывающих их между собой и противоречащих здравому смыслу, жизненному опыту и интуиции. Современная психология испытывает дефицит «сумасшедших» идей и нуждается в междисциплинарной парадигмальной прививке. Как показывает теория оргона В. Райха и построенные на ее основе аккумуляторы, успех на этом пути не гарантирован.

5. Нормативные определения предмета психологии позволили зафиксировать позиции различных авторов и сравнить их между собой. В неопределенном будущем возможен синтез реперных точек психологической плоскости методологического плюрализма в единую теорию на основе метапсихологического подхода, развиваемого автором. При этом под метапсихологией (в смысле, отличном от изначально предложенного З. Фрейдом) предлагается понимать науку о психологии, являющуюся психологической, а не философской дисциплиной; соответствующую конструкции метанауки, предложенной математиком Д. Гильбертом, в частности использующую явно разделенные эмпирический и теоретический языки; основанную на концепции метасистемного перехода В.Ф. Турчина.

6. Достоинством дескриптивного подхода к определению предмета психологии (что на самом деле изучают психологи?) является то, что он естественным образом объединяет теоретическую

(«чистую», научную) и прикладную («нечистую», профессиональную) психологии.

7. Deskриптивное определение предмета психологии может быть дано с помощью лексического анализа. В его рамках история развития психологии предстает как культурно-исторически обусловленная смена дискурсивных формаций, в ходе которой существовавшие ранее термины (инварианты психологии) приобретают благодаря новому дискурсу отличный от исходного смысл.

8. Лексический подход позволяет в силу укорененности многих терминов в повседневном языке получать нетривиальные выводы о сложных социально-психологических феноменах. Он противостоит мнению представителей естественных наук, отвергающих, что «идеи» вещей обладают некой трансцендентальной реальностью и что, анализируя идеи, мы можем узнать нечто, если не все, о свойствах реальных вещей [26, с. 34].

9. Deskриптивный, в частности клиометрический подход приводит к идее об изменчивости предмета психологии. Общество и психология (как наука и социальный институт) развиваются в значительной степени независимо друг от друга, по своим собственным законам. Однако в последние годы взаимодействие приобретает такие формы, что уместно говорить о тесной связи, соразвитии, коэволюции, изучать ее историю и детерминанты, закономерности и концепции, прибегать к сбору эмпирических данных и прогнозированию.

10. В условиях ограниченности ресурсов государства и общества deskриптивные описания предмета психологии, помимо теоретического интереса, приобретают и практическую значи-

мость, т.к. дают ориентиры для организаторов науки и профессионального психологического образования.

Литература

1. Айзенк Г.Ю. Психология: польза и вред. Смысл и бессмыслица. Факты и вымысел. — Минск, 2003.
2. Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. — СПб., 2003.
3. Аллахвердян А.Г., Мошкова Г.Ю., Юревич А.В., Ярошевский М.Г. Психология науки. — М., 1998.
4. Анастаси А., Урбина С. Психологическое тестирование. — СПб., 2001.
5. Блонский П.П. Психология как наука о поведении // Психология и марксизм. — Л. — М., 1925. — С. 225–229.
6. Вересов Н.Н., Агафонов А.Ю. «Внутреннее» — это где? // Журнал прикладной психологии. — 2004. — № 3. — С. 64–71.
7. Вигнер Е. Непостижимая эффективность математики в естественных науках // Этюды о симметрии. — М., 1971.
8. Войскунский А.Е. Научная информация в психологии: электронные ресурсы. — М., 1997.
9. Гарбер Е.И. О природе психики. Семнадцать уроков по психологии. — М., 2001.
10. Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию. — М., 1988.
11. Дильтей В. Описательная психология. — СПб., 1996.
12. Дружинин В.Н. Психология как научная дисциплина // Психология XXI века / Под ред. В.Н. Дружинина. — М., 2003. — С. 7–20.
13. Кун Т. Структура научных революций. — М., 2001.
14. Лакатос И. Методология исследовательских программ. — М., 2003.
15. Лихи Т. История современной психологии. — СПб., 2003.
16. Мазилев В.А. Теория и метод в психологии: Период становления психологии как самостоятельной науки. — Ярославль, 1998.

17. Медков В.М. Демография. – Ростов-на-Дону, 2002.
18. Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. – М., 2001.
19. Морено Я.Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе. – М., 2001.
20. Общая психология / Под ред. Р.Х. Тугушева и Е.И. Гарбера. – М., 2006.
21. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии / Под ред. В.А. Лекторского, В.И. Аршинова. – М., 1985.
22. Роббер М.-А., Тильман Ф. Психология индивида и группы. – М., 1988.
23. Симонов П.В. Предисловие редактора перевода // Мозг. – М., 1982.
24. Смирнов С.Д. Методологический плюрализм и предмет психологии // Вопросы психологии. – 2005. – № 4. – С. 3–8.
25. Смит Н. Современные системы психологии: История, постулаты, практика. – СПб. – М., 2003.
26. Хайек Ф.А. Контрреволюция науки. Эпюдыо злоупотреблениях разумом. – М., 2003.
27. Шульц Д.П., Шульц С.Э. История современной психологии. – СПб., 1998.
28. Юревич А.В. Социальная психология науки. – СПб., 2001.
29. Ярошевский М.Г. История психологии. – М., 1985.
30. Danziger K. Naming the Mind. How Psychology Found its Language. – London, 1997.
31. Faust D., Meehl P.E. Using Meta-Scientific Studies to Clarify or Resolve Questions in the Philosophy and History of Science // Philosophy of Science. – 2002. – Vol. 69. – P. 185–196.
32. Friman P.C., Allen K.D., Kerwin M.L.E., Larzelere R. Changes in Modern Psychology: A Citation Analysis of the Kuhnian Displacement Thesis // American Psychologist. – 1993. – Vol. 48. – P. 658–664.
33. Meehl P. E. Cliometric Metatheory: The Actuarial Approach to Empirical, History-based Philosophy of Science // Psychological Reports. – 1992. – Vol. 71. – P. 339–467.
34. Meehl P.E. Cliometric Metatheory II: Criteria Scientists Use in the Theory Appraisal and why it is Rational to do so // Psychological Reports. – 2002. – Vol. 91. – P. 339–404.
35. Meehl P.E. Cliometric Metatheory III: Peircean Consensus, Verisimilitude and Asymptotic Method // British Journal for the Philosophy of Science. – 2004. – Vol. 55. – P. 615–643.
36. Robins R.W., Gosling S.D., Craik K.H. An Empirical Analysis of Trends in Psychology // American Psychologist. – 1999. – Vol. 54. – P. 117–128.
37. The Life Cycle of Psychological Ideas: Understanding Prominence and the Dynamics of Intellectual Change (Path in Psychology) // T.C. Dalton, R.B. Evans (Eds.). – Plenum Pub Corp, 2003.
38. Thesaurus of Psychological Index Terms. 10th ed. Washington, 2005.